

А. Г-кен

Бетховен

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Г-кен**
Бетховен: Часть 2 / А. Г-кен – М.: Книга по Требованию, 2023. – 168 с.

ISBN 978-5-458-16714-7

ISBN 978-5-458-16714-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЛИЧНОСТЬ.

Общій очеркъ нравственной личности. Бетховенъ былъ не только великимъ музыкантомъ, но и высокой нравственной личностью, и когда знакомишься съ его жизнью и душой, не знаешь, чему больше удивляться— величію ли его творческаго генія въ музыкальной области, или высотѣ его нравственнаго характера. Извѣстный музыкальный писатель, Альфредъ Эрнстъ (1850—1898 г.), въ своей характеристикѣ Бетховена въ „La Grande Encyclopédie“, говоритъ: „Если Бетховенъ быть-можетъ, былъ величайшимъ геніемъ въ области своего искусства, то, безъ всякаго сомнѣнія, онъ былъ однимъ изъ величайшихъ сердецъ своего времени“.

Необычайная прямота, правдивость и честность, неспособность ни на какой компромиссъ съ совѣстью; полное и гордое сознаніе своего человѣческаго достоинства, заставлявшее этого потомка крестьянъ не склонять головы ни передъ кѣмъ изъ великихъ міра сего; сознаніе своего музыкальнаго генія, поднимавшее его выше всѣхъ условныхъ и фальшивыхъ величій; пламенная любовь къ людямъ и въ особенности къ малымъ, слабымъ и обиженнымъ судьбой; горячее чувство благодарности за оказанную услугу; глубокое презрѣніе ко всему низменному, лживому и несправедливому; восторженное поклоненіе передъ всѣмъ высо-

кимъ въ людяхъ и въ искусствѣ; неподкупное, всецѣлое служеніе „святому“ искусству музыки, поставленное, какъ цѣль жизни; суровая внѣшность и рѣзкія манеры при теплотѣ, цѣломудріи и мягкости душевной; могучій духъ, не терпящій никакихъ преградъ, никакого подчиненія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не менѣе могучая воля, способная обуздать этотъ духъ, положить на него оковы терпѣнія и самоотреченія, способная вынести и пронести чрезъ всю жизнь колоссальную тяжесть обрушившагося на него несчастья; полное постиженіе къ концу жизни, путемъ размышленій и личного опыта и страданій, что безконечный духъ человѣка осужденъ биться въ оковахъ ограниченности и что борьба съ міровымъ зломъ за побѣду вѣчныхъ идеаловъ правды, добра и красоты есть высшій нравственный долгъ человѣка; постиженіе, что хотя міръ лежитъ во злѣ и обманѣ и власть тьмы велика, но свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ и тьма его не можетъ объять; наконецъ, пламенная любовь къ природѣ и ея красотамъ и благоговѣйное преклоненіе передъ Божествомъ—Творцомъ и Промыслителемъ міра—вотъ въ общихъ чертахъ нравственный обликъ Бетховена.

Какъ всѣ великія и самобытныя натуры, Бетховень съ юныхъ лѣтъ сознавалъ въ себѣ необъятную силу; его собственное „я“ поглощало и сосредоточивало на себѣ все его вниманіе, мысли и чувства; онъ жилъ, съ первыхъ дней сознательной жизни, въ глубинѣ своего духа. Онъ могъ ежедневно убѣждаться, насколько онъ чувствовалъ сильнѣе другихъ, насколько его внутренняя жизнь, съ самаго ранняго возраста, была полнѣе и глубже. Еще не давая себѣ яснаго отчета въ стремленіяхъ своего духа, онъ, однако, ясно сознавалъ, въ пору своей молодости, свое будущее величіе. „Если я когда-нибудь буду великимъ человѣкомъ, то въ этомъ и ваша заслуга“—писалъ онъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Вѣну въ 1793 году, своему учителю Неефе, который, впрочемъ, и самъ въ двѣнадцатилѣтнемъ ученикѣ своемъ

распозналъ черты „будущаго второго Моцарта“. Такія же заявленія о своихъ великихъ силахъ и о будущемъ величїи встрѣчаются не разъ и въ другихъ письмахъ Бетховена. „Въ подобныхъ заявленїяхъ гениальныхъ натуръ о своемъ будущемъ величїи, мы должны признать—говоритъ Влад. Соловьевъ—не пустую претензію и не начало манїи, а лишь то вѣрное самочувствїе или инстинктъ самооцѣнки, который дается всѣмъ избраннымъ людямъ.“¹⁾

Ощущая въ себѣ великую силу, Бетховенъ жаждалъ и великой дѣятельности. Никогда ничѣмъ не удовлетворяясь, онъ постоянно стремился все впередъ и впередъ, и такъ до послѣднихъ дней своей жизни. Уже тридцатилѣтнимъ человѣкомъ, онъ пишетъ въ 1801 году изъ Вѣны своему другу Вегелеру въ Боннѣ: „могу васъ увѣрить въ одномъ, что, когда вы снова меня увидите, вы найдете меня лучшимъ, чѣмъ какимъ знали прежде; я говорю не только объ артистѣ, но и о человѣкѣ, который сдѣлался болѣе совершеннымъ; и если мои дорогіе сограждане будутъ нуждаться во мнѣ, я буду счастливъ и гордъ предоставить мой талантъ къ ихъ услугамъ“. А вотъ какимъ рисуется намъ Бетховена, черезъ десять лѣтъ послѣ того, Беттина Брентано въ восторженномъ письмѣ къ Гѣте въ Веймаръ изъ Вѣны, отъ 28 мая 1810 года: „Тотъ, о комъ я хочу теперь говорить, кто заставилъ меня забыть весь міръ и даже тебя, это—Бетховенъ. Правда, я еще несовершеннолѣтняя, но я не заблуждаюсь, если скажу,—чего теперь, вѣроятно, никто не пойметъ и чему никто не повѣритъ,—что этотъ человѣкъ шестууетъ далеко впереди уровня развитія всего человѣчества. Догонимъ ли мы его когда-нибудь? Я сомнѣваюсь. Пусть только онъ живетъ до тѣхъ поръ, пока не созрѣетъ до высочайшей полноты могучая и возвышенная загадка, которая лежитъ въ его духѣ; да, пусть онъ до-

¹⁾ О поэзіи Лермонтова.

отношеніяхъ ея къ поэзіи, къ человѣческой душѣ и т. п.—были, какъ и его произведенія, вполне своеобразны, они были у него истинно-врожденными идеями, а не заученными афоризмами. Я знаю, что Гёте, познакомившись съ нимъ лично въ Теплицѣ, оцѣнилъ его также именно съ этой стороны“. Тотъ же Вейсенбахъ говоритъ о Бетховенѣ: „Оскверненіе мыслью, словомъ или дѣломъ того, что онъ любилъ и чему поклонялся, могло довести его до гнѣва, горячаго отпора и слезъ. Поэтому-то онъ порвалъ всякія сношенія съ ничтожнымъ свѣтомъ. Онъ былъ такъ нравственно чутокъ, что не могъ дружески относиться къ тѣмъ, кто запятналъ себя зломъ“.

Приведемъ еще характеристику нравственной личности Бетховена, сдѣланную Тэнномъ: „Всѣ его причуды имѣли единственнымъ источникомъ преизбытокъ великодушія и величія. Испытывая любовь къ женщинѣ, онъ жилъ въ идеальномъ мірѣ, который описывали Петрарка и Данте, и его любовная страсть нисколько не уменьшала его аскетизма. Не будучи въ состояніи жениться, онъ оставался цѣломудреннымъ; онъ любилъ такъ же чисто, какъ и писалъ; онъ питалъ обращеніе къ непристойнымъ разговорамъ... Ту же возвышенность души онъ проявлялъ и въ другихъ важныхъ случаяхъ жизни, всегда гордый передъ князьями, ожидая, чтобы они первые ему поклонились, сохраняя тотъ же тонъ и передъ самыми высшими особами, считая предательствомъ и ложью свѣтскую вѣжливость и любезность, и, какъ какой нибудь Руссо или Платонъ, преслѣдуя мечтой установленіе республики, которая сдѣлала бы всѣхъ людей гражданами и героями. Въ самой глубинѣ его сердца, какъ въ святилищѣ, жилъ инстинктъ, еще болѣе возвышенный—сознаніе Божественнаго. По его мнѣнію, всѣ искусства и всѣ языки человѣческіе не выражаютъ Его, только музыка своей глубочайшей сущностью одна соотвѣтствуетъ Ему“.

„Высшій подвигъ“. Приближаясь къ тридцатилѣтнему возрасту, Бетховень былъ пораженъ жесточайшимъ ударомъ судьбы, подъ гнетомъ котораго ему суждено было прожить всю остальную жизнь. Въ самый цвѣтушій періодъ человѣческой жизни Бетховень сталъ терять важнѣйшее для музыканта внѣшнее чувство—слухъ. Первые симптомы ужасной болѣзни обнаружались уже въ 1796 году, когда ему было только 26 лѣтъ, но самъ Бетховень относитъ начало своей болѣзни къ 1797 г. Въ письмѣ къ своему другу Вегелеру въ Боннѣ, отъ 29 іюня 1800 года, сообщивъ, что его матеріальное положеніе прекрасно, такъ какъ отъ князя Лихновскаго онъ получаетъ 600 флориновъ, а произведенія его имѣютъ большой спросъ и за нихъ ему даютъ хорошія деньги, вслѣдствіе чего онъ имѣетъ даже возможность помогать своимъ нуждающимся товарищамъ, онъ говоритъ далѣе: „Однако, завистливый демонъ, мое плохое здоровье, ставитъ препятствія моей дѣятельности. Вотъ уже три года, какъ слухъ мой становится все слабѣе и слабѣе; первоначальная причина этого недуга лежитъ, кажется, въ болѣзни пищеварительныхъ органовъ, которой, какъ ты знаешь, я страдалъ и прежде; здѣсь же она усилилась... Лѣченіе доктора Франка не помогло, глухота все увеличивается, а мои внутренности все въ томъ же положеніи. Такое состояніе продолжалось до послѣдней осени и не разъ повергало меня въ полное отчаяніе. Въ это время одинъ осель-врачъ (Medizinischer Asinus) прописалъ мнѣ холодныя ванны, другой, болѣе дѣльный, посоветовалъ мнѣ брать теплыя ванны изъ дунайской воды. Послѣднее лѣченіе помогло и состояніе живота улучшилось, но уши остались въ томъ же положеніи или стали еще хуже. Эту зиму мое положеніе было очень тяжело; я испытывалъ ужасныя колики, болѣзнь возвратилась съ прежней силой. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока, мѣсяцъ тому назадъ, я не обратился къ доктору Верингу... Ему удалось теперь почти совершенно излѣ-

чить мою острую желудочную болѣзнь; онъ мнѣ прописалъ теплыя дунайскія ванны съ укрѣпляющимъ средствомъ, а внутрь пилюли для желудка и промываніе для ушей; и вслѣдствіе этого я чувствую себя крѣпче и лучше, но шумъ въ моихъ ушахъ продолжается днемъ и ночью. Могу сказать, что это дѣлаетъ мою жизнь несчастной. Около двухъ почти лѣтъ я избѣгаю всякихъ сношеній съ людьми, такъ какъ мнѣ невозможно сказать людямъ: я глухъ. Если бы я былъ кѣмъ-нибудь другимъ, а не музыкантомъ, еще куда бы ни шло, но при моемъ ремеслѣ—это ужасное положеніе. И что скажутъ на это мои враги, которыхъ не мало? Чтобы дать тебѣ понятіе объ этой удивительной глухотѣ, скажу, что въ театрѣ я долженъ помѣститься совсѣмъ близко къ оркестру, чтобы слышать актера. Высокіе звуки инструментовъ или голосовъ я совсѣмъ не слышу, если стою немного подалеже. Странно, что при разговорѣ со мной нѣкоторые люди этого не замѣчаютъ; такъ какъ я бываю очень часто разсѣянъ, то приписываютъ это моей разсѣянности. Иногда я съ трудомъ слышу, если говорятъ со мной тихо, но только звуки, а не слова; если же кто-нибудь начинаетъ кричать, то это становится для меня нестерпимо. Чѣмъ все это кончится—Богъ знаетъ! Докторъ Верингъ говоритъ, что это можетъ улучшиться, если не совсѣмъ пройти. Я же часто проклиналъ свою жизнь, жалуясь на Создателя, и только Плутархъ привелъ меня къ покорности Провидѣнію. Я рѣшилъ, если мнѣ ничего другого не остается, презирать удары судьбы, но конечно будутъ минуты, когда я буду чувствовать себя самымъ несчастнымъ существомъ въ мірѣ. Умоляю тебя не говорить никому о моемъ состояніи, ни даже Лорхенъ ¹⁾. Все это я передаю тебѣ подъ величайшимъ секретомъ; но я хотѣлъ бы, чтобы ты списался съ докторомъ Верингомъ по этому поводу. Если мое положеніе не из-

¹⁾ Т.-е. женѣ Вегелера.

мѣнится, я приѣду къ тебѣ будущей весной. Ты мнѣ наймешь домъ, гдѣ-нибудь въ хорошемъ мѣстѣ, въ деревнѣ, и тамъ на шесть мѣсяцевъ я превращусь въ крестьянина. Можетъ-быть это мнѣ поможетъ. Покорность судьбѣ! Какое ужасное убожище, и все-же только оно одно мнѣ остается“... Въ этомъ же письмѣ, полномъ отчаянія и вмѣстѣ рѣшимости бороться съ злой судьбой, Бетховень касается и болѣе свѣтлыхъ темъ; онъ сообщаетъ Вегелеру о своей радости по случаю приѣзда Стефана Брейнинга въ Вѣну, о своихъ музыкальныхъ трудахъ и произведеніяхъ, проситъ Вегелера прислать поскорѣй портретъ его дѣда, замѣнивъ котораго обѣщаетъ прислать портретъ его внука (т.-е. свой), увѣряетъ, что помнитъ и продолжаетъ горячо любить всю ихъ семью, проситъ передать г-жѣ Брейнингъ, что на него по временамъ все еще находитъ „gartus“ и, наконецъ, поручаетъ передать поклонъ Францу Рису и сообщить ему, что онъ позаботится объ участи его сына Фердинанда.

Другому своему близкому другу, пастору Карлу Аменда, онъ писалъ въ томъ же 1800 году, отвѣчая на его письмо: „Какъ часто я желалъ видѣть тебя около себя, потому что твой Бетховень живетъ очень несчастно. Знай, что благороднѣйшее мое чувство, мой слухъ — очень ослабѣлъ. Еще тогда, когда мы были вмѣстѣ, я замѣтилъ признаки этого, но молчалъ. Возможно ли выздоровленіе? Я еще надѣюсь на него. Болѣзнь произошла вслѣдствіе страданій моихъ внутренностей; но въ этомъ отношеніи я почти совсѣмъ поправился. Улучшится ли затѣмъ мой слухъ? Я и надѣюсь, и сомнѣваюсь; такія болѣзни всего менѣе излѣчимы. Какъ печально я долженъ влачить теперь свою жизнь: избѣгать всего, что я люблю и что мнѣ дорого и быть окруженнымъ людьми презрѣнными и эгоистами, какъ Къ моему утѣшенію сюда приѣхалъ человѣкъ, съ которымъ я могу раздѣлять радость

искренней дружбы, это одинъ изъ друзей моей юности (Стефанъ Брейнингъ). . . . О! какъ бы я могъ быть счастливъ теперь, если бы слухъ мой былъ исправенъ. Я побѣждалъ бы къ тебѣ, но вѣдь повсюду я долженъ держаться въ сторонѣ отъ людей. И такъ улетятъ лучшіе годы моей жизни, не давъ мнѣ выполнить того, что обѣщали мои силы и талантъ. Горькая покорность судьбѣ—единственное мое убѣжище. Я твердо рѣшился быть выше всего этого, но какъ возможно это сдѣлать? Да, Аменда, если по прошествіи шести мѣсяцевъ моя болѣзнь окажется неизлѣчимой, я обращусь къ тебѣ и тогда ты долженъ бросить все, чтобы прійти ко мнѣ. Тогда я поѣду путешествовать (на моей игрѣ и на моемъ творествѣ еще очень мало отзывается моя болѣзнь; она особенно затрудняетъ лишь мои сношенія съ людьми) и ты долженъ будешь меня сопровождать; я увѣренъ, что счастье меня не оставитъ: съ кѣмъ не могъ бы я помѣриться теперь силами! Со времени твоего отъѣзда я сочинялъ во всѣхъ родахъ, исключая оперъ и церковной музыки. Нѣтъ, ты не оттолкнешь меня, ты pomoжешь твоему другу перенести его заботы, его болѣзнь. Я также много усовершенствовалъ мою игру, какъ піаниста, и я надѣюсь, что это путешествіе можетъ-быть составить и твое счастье; затѣмъ ты навѣки останешься со мной. . . .” Въ концѣ письма Бетховенъ подчеркиваетъ слѣдующую фразу: „то, что я говорю тебѣ относительно моей глухоты—прошу тебя сохранить, какъ величайшую тайну и никому не говорить объ этомъ.“

Страстно ища исцѣленія отъ своего недуга, Бетховенъ переходилъ отъ отчаянія къ надеждѣ, отъ упадка духа къ твердому рѣшенію бороться съ своимъ несчастьемъ. Быстро мѣнялъ онъ одинъ способъ лѣченія на другой, не имѣя терпѣнія выдержать ихъ до конца. Онъ постоянно пробовалъ все новыя и новыя средства, искалъ чародѣя, который освободилъ бы его отъ страданія, переходилъ отъ одного врача къ другому. Въ

слѣдующемъ письмѣ къ Вегелеру, отъ 16 ноября 1800 года, онъ говоритъ уже, что недоволенъ лѣченіемъ доктора Веринга, который относится съ недостаточной внимательностью къ его болѣзни и слишкомъ практикъ, чтобы слѣдить за развитіемъ медицины. Онъ спрашиваетъ Вегелера, что онъ думаетъ о докторѣ Шмидтѣ и лѣченіи гальванизмомъ. „О гальванизмѣ—пишетъ онъ—разсказываютъ чудеса. Какого ты мнѣнія объ этомъ? Одинъ врачъ увѣрялъ меня, что онъ видѣлъ, какъ въ Берлинѣ возвратили слухъ глухонѣмому ребенку; человекъ, глухой въ теченіе семи лѣтъ, былъ также вылѣченъ гальванизмомъ.“ На приглашеніе Вегелера пріѣхать въ Боннъ, Бетховенъ отвѣчаетъ: „Не думай, что я буду счастливымъ среди васъ. Что можетъ сдѣлать меня счастливымъ? Даже ваши заботы обо мнѣ были бы мнѣ крайне тяжелы. Каждую минуту я читалъ бы на вашихъ лицахъ выраженіе состраданія и вслѣдствіе этого чувствовалъ бы себя еще болѣе несчастнымъ. Моя прекрасная родина—что она обѣщала мнѣ? Надежды на лучшее будущее, и оно непремѣнно пришло бы ко мнѣ, если бы не этотъ недугъ. О! я бы обнялъ весь міръ, если бы могъ освободиться отъ своей болѣзни! Моя молодость, да я чувствую это, только еще начинается. Развѣ я не былъ до сихъ поръ хилымъ человекомъ? Но съ нѣкотораго времени мои тѣлесныя силы стали замѣтно увеличиваться, а вмѣстѣ съ ними и мои умственныя силы. Каждый день приближаетъ меня къ цѣли, которую я предчувствую, но не могу выразить словами. Только такимъ твой Бетховенъ могъ бы жить. Не нужно отдыха! Я не знаю другого отдыха, кромѣ сна, и мнѣ даже непріятно, что я принужденъ тратить на него теперь больше времени, чѣмъ прежде. Если бы я хоть на половину избавился отъ моего недуга, тогда, сдѣлавшись совершеннымъ, зрѣлымъ человекомъ, я бы пріѣхалъ къ вамъ и возобновилъ бы старинныя чувства нашей дружбы. Вы увидите меня только счастливымъ, насколько я могу имъ

быть здѣсь на землѣ. Но не несчастнымъ,—нѣтъ! Я этого бы не вынесъ. *Я хочу схватить судьбу за глотку*; навѣрно ей не удастся согнуть меня вполнѣ! О, какъ прекрасно тысячу разъ пережить жизнь! Спокойная жизнь—нѣтъ, я чувствую, я не созданъ для нея.“ Изъ этого письма мы уже видимъ, что въ душѣ Бетховена отчаяніе по временамъ смѣнялось твердой рѣшимостью бороться съ злой судьбой до конца; и онъ дѣйствительно боролся съ ней, по выраженію Альфреда Эрнста „съ гордостью возмущеннаго Прометея“.

Постепенно убѣждаясь въ безсиліи научной медицины помочь его болѣзни, Бетховенъ, какъ утопающій за соломинку, хватался за всякія другія средства исцѣленія. Онъ даже обратился за помощью къ одному старому монаху, служившему при соборѣ Св. Стефана въ Вѣнѣ, отцу Вейсу, который имѣлъ репутацію цѣлителя отъ глухоты и котораго отыскалъ ему другъ Цмескаль; не получивъ, однако, отъ него быстрого облегченія своей болѣзни, онъ вскорѣ отказался продолжать у него лѣченіе. На этомъ послѣднемъ опытѣ окончились, кажется, всѣ попытки Бетховена найти исцѣленіе своему недугу. Послѣ этого онъ пришелъ къ окончательному убѣжденію, что никакая человѣческая сила не можетъ освободить его отъ болѣзни слуха и что онъ осужденъ сойти въ могилу съ жестокимъ недугомъ, который наполнялъ отчаяніемъ его сердце и долженъ былъ, какъ ему иногда казалось, разбить совершенно его музыкальную дѣятельность. Со всякимъ другимъ на его мѣстѣ такъ бы и случилось; только такой могучій духъ, какимъ обладалъ Бетховенъ, способенъ былъ выдержать столь чрезмѣрно-великое испытаніе и не быть имъ раздавленнымъ. Для Бетховена же это испытаніе было тѣмъ огнемъ, который долженъ былъ закалить и „очистить отъ всякія скверны“ его могучій духъ.

„ Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ“.